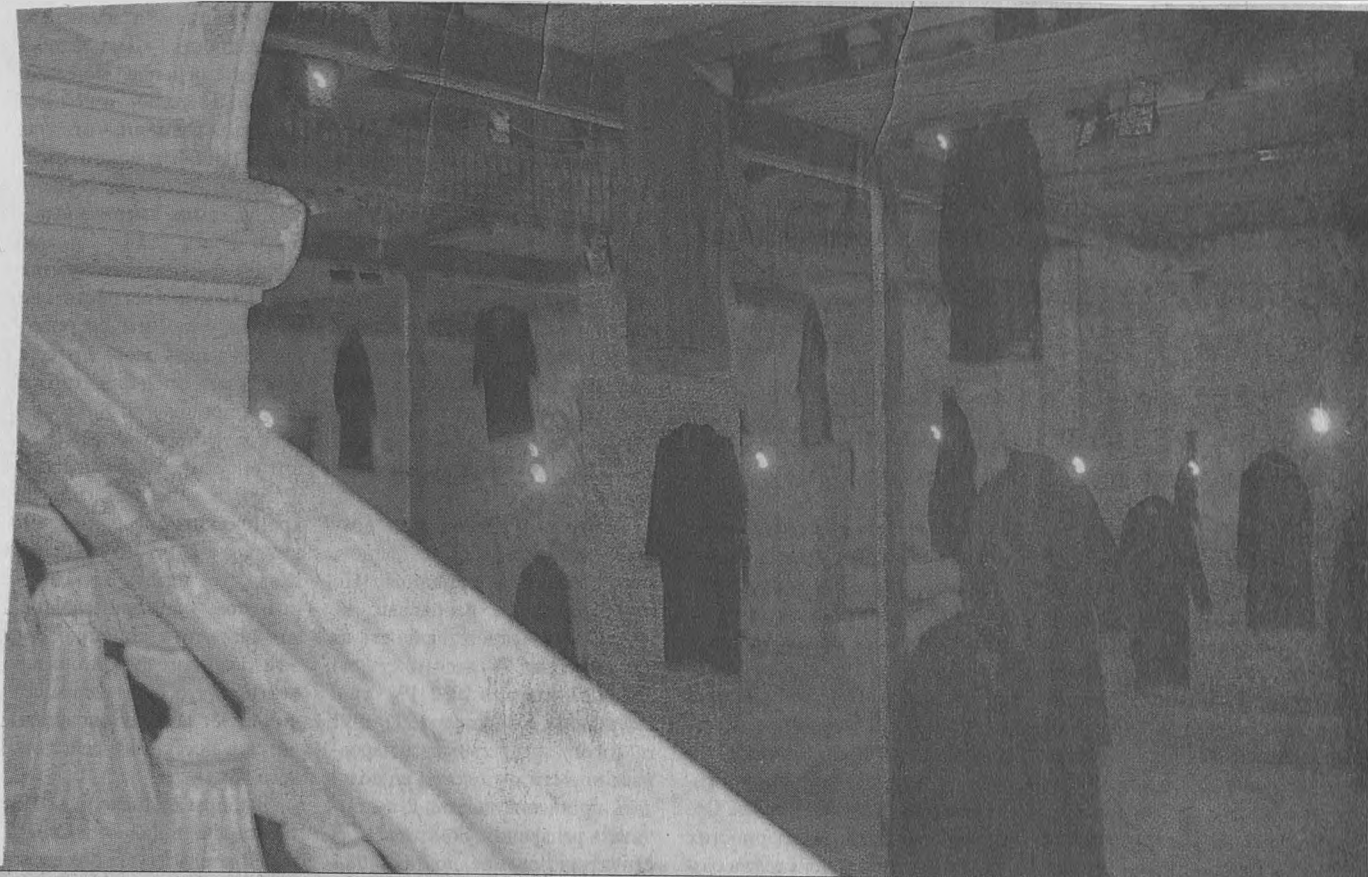

Руины – лучшее пространство для Кристиана Болтански.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Тени забытого самовара

Кристиан Болтански и искусство памяти

Михаил Сидлин

Кристиан Болтански – один из самых известных французских художников наших дней. Его работы уже не раз выставлялись в Москве. Очередной проект – «Призраки Одессы» – самый масштабный из тех, что были показаны в России: он занимает сразу два флигеля Архитектурного музея – руину и Аптекарский приказ.

Кристиан Болтански приехал в Москву с собственным самоваром. Вроде бы самовар принадлежал бабушке. Вроде бы бабушка привезла этот самовар в Париж из Одессы. Сегодня самовар занял свое почетное место на стене Музея архитектуры – высоко-высоко, так, что не дотянешься и не допрыгнешь. «Хороший самовар, тульский», – оценивает из глазок музейная посетительница.

Память о семейном прошлом спрятана в таких абсурдных предметах, которые совершенно не нужны, хотя выбросить их жалко. Художник обладает огромным преимуществом – он может навязать зрителю свой груз прошлого.

Фотография – искусство памяти. Глядя на карточку, находишь прошлое – свое или чужое, – даже если прошлое это состояло всего лишь мгновение назад.

Болтански известен как мастер фотоинсталляции. Он довел искусство памяти до состояния навязчивой идеи о памяти, такой идеи, для которой собственно фотография – как предмет – уже почти не нужна. Потому что темой для анализа в его инсталляциях стала сама процедура воспоминания.

В начале лежит тень. Черно-белая фотография и есть тень, которая зафиксирована на плоскости негатива, а потом пере-

ведена в позитив. А воспоминание – это воскрешение теней. И черные пальто как овеществленные призраки прошлого висят под балками корпуса-руины. А белые полотнища, с которых глядят глаза давно умерших людей, колышутся под старинными сводами Аптекарского приказа.

Эти исторические залы выглядят идеальной декорацией для «Призраков Одессы». Взаимодействие привнесенных художником вещей и «естественного» антуража создает сценическую конструкцию, в которой каждая деталь кажется значимой. И понять, имеет ли запыленное пианино, стоящее за перилами лестницы, отношение к этой инсталляции или нет, решительно невозможно, потому что та память, к которой обращается Болтански, способна интегрировать решительно все. Это не частное воспоминание о бабушкином самоваре, это коллек-

тивный механизм памяти об ушедших.

В коллективной памяти любой предмет обретает свое место. И даже вечный бардак под лестницей Болтански преобразил в художественный объект – прямо на стену над свалкой из досок и строительного мусора спроецированы тени.

Столкновение с тенями тревожит. Художник мастерски создает атмосферу саспенса. Перед входом в здание Аптекарского приказа слышен злой лай собак. Кажется, что за дверью скрывается стая голодных овчарок. Но на самом деле там только два маленьких динамика, спрятанных под стулом в предбаннике. Этот лай – то ли напоминание об ужасах гетто, то ли голос Цербера, охраняющий вход в царство теней.

Что, собственно, остается от любой бабушки кроме самовара и фотографий? Само воспоминание. Постоянное возвращение к теням.